

ГРАНИЦА КАК ПРИМЕТА ПРОСТРАНСТВА В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются пространственные категории, объединенные понятием 'граница'. Раскрывается семантический потенциал лексем граница, рубеж, межа в диалектной речи. Делается попытка обосновать амбивалентный характер семантики данных единиц, содержащих две противоположные сущности: разделение и взаимное притяжение сторон.

Ключевые слова: пространственные концепты, диалектный дискурс, амбивалентность семантики.

N. V. Bolshakova

BORDER AS THE SPACE SIGN IN THE DIALECT DISCOURSE

The article considers the spatial categories united by the concept 'border'. The author reveals the semantic potential of lexemes граница, рубеж, межа in the dialect speech. The author makes an attempt to prove the ambivalent nature of semantics of these units containing two opposite essences: division and mutual attraction of the parties.

Key words: spatial concepts, dialect discourse, ambivalence of semantics.

Пространственные отношения, как в научном, так и в обыденном представлении, опираются на предметный мир, структурирование которого по горизонтали и вертикали формирует в сознании человека систему концептуализованных понятий далекого и близкого, верхнего и нижнего, правого и левого, разделенного и объединенного, свободного и занятого, ядерного и периферийного, освоенного и чуждого и т. д. Ориентация в пространстве относится к жизненно важным социальным навыкам человека и, отражаясь в языковом сознании, вербализуется в системе локальных номинаций.

В народной речи актуальными являются и категории мифологического пространства, наполняя локативы символическим смыслом. Специалисты по этнолингвистике и этнокультурологии неоднократно подчеркивали актуализацию понятий, связанных с «зонами *стыков* и *границ*» [3, с. 19]. Мифологические рассказы, соотнесенные с народным творчеством, выявляют «фольклорно-архитектурные образы» двери, окна, дымовой трубы как символов границы между внутренним миром крестьянской избы и иным, недифференцированным внешним миром, нередко воспринимаемым как враждебный для человека [9].

Действительно, понятие границы, наряду с понятием протяженности, относится к числу наиболее существенных, в равной степени значимым для структурирования ландшафта, внутреннего устройства традиционного жилища и представления об окружающем мире в целом. Вместе с тем следует признать неразработанность концепта «Граница» на диалектном материале.

Раскрытие понятий границы и внутреннего приграничного пространства в настоящей работе осуществляется преимущественно на материале псковских говоров, отраженном в таких источниках, как опубликованные выпуски «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) и неопубликованные фонды: картотека ПОС (КПОС) и тексты псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива (Архив). Введение архивных материалов позволяет расширить общенаучный контекст понятий границы и приграничья и будет способствовать в дальнейшем комплексному научному осмыслению актуальных категорий. Разработка категоризации диалектных пространственных номинаций позволит внести уточнения и в дискуссионные вопросы зонирования самих псковских говоров. Данная статья посвящена рассмотрению пространственных категорий, объединенных понятием 'граница', в аспекте диалектного дискурса.

Слово *граница*, будучи в своем общерусском значении наименованием линии раздела, содержит семантику размежевания, межевого знака: *граница* — 'условная линия, разделяющая смежные области, владения, участки, являющиеся пределом какой-л. территории; черта раздела' [16, с. 343], причем под словом *условный* в дефиниции (*условная линия*) понимается вполне реальное, а не мыслимое, воображаемое явление, т. е. *условный* — это 'установленный по условию между кем-л.' [17, с. 519].

Для псковской диалектной речи знаменательно то, что полисемантическое слово *граница* фиксируется как обозначение 'официальной линии, разделяющей территории соседствующих государств' в связи с пограничным положением Псковщины, в чем сохраняется память об историческом прошлом Псковского края: *Старики рассказывают, граница с Польшей недалёка, километраф ф шасті*. Вл. [14, с. 4]. Семантическая структура рассматриваемого полисеманта отражает связь пространственной линии раздела с предметной областью — наименованием природных объектов, которые используются как знаки межевания территории: *Ёта о́зера у наз грани́ца*. Полн. [Там же]; *А ёта Мирзлякі, Бурдина [деревни]. Ана, рья́, прамёш них межуйи́цца*. Остр.; *Ручаёк межуйе́цца; так ёто ручаёк ме́жду диревён*. Гд. [13, с. 113]. История региона находит отражение в устных рассказах местных жителей, также фиксирующих старые этнические рубежи: *Вот грани́ца у нас праи́ла здесь на рекё Веть. Вот за рёчкай Веть скабари жы́вут, а в То́мсине, как ста́ли называ́ть, — палякі, рас пад паля́ками жы́лли*. Себ. [Архив]. Представляется продуктивным исследование наименований природных объектов, осмысленных местным населением как маркеры границ разного характера. В сферу изучения данной проблемы попадают такие слова, как, помимо отмеченных в диалектных высказываниях слов *озеро, река, ручеёк*, другие названия водных объектов: *ключ, кипун*, а также *дерево/деревья, куст/кусты, камень/камни*, которые в прагматическом контексте могут быть наделены символикой разграничения пространства; ср.: *И отъ того столба по валовой по большой межи изредка [изръдка] камень по столбъ дубовой сорокъ одна сажень*. Отвод. Мирож. м., 74, 1644 г. [12, с. 444–445].

Не претендуя на установление всей структурной модели концепта «Граница» в диалектном дискурсе, что рассматривается нами как перспективная задача, все же с очевидностью можно сказать, что в ядерную зону концепта включаются слова *граница, рубеж* и *межа*. Наименее четко в современной диалектной речи очерчены семантические контуры слова *рубеж* и его производных. В псковской диалектной речи дериват *рубежок* сближается с лексемой *межа* 'часть дна в реке, озере, отделяющая

мелкое место от глубокого': *Есть рубешкí, што и жапёнку замóчыш*. Печ. [ЖПОС]; *Мижá — вот ésta мёснасть в азиré, разделяёт: во здесь глыпка, а здесь мёлка. У вáшэм азиré нет мяжы́*. Нев. [13, с. 105].

Как свидетельствует диалектный материал, слово *межа* в псковских говорах обладает наивысшим смысловым потенциалом, перекрывая не только семантический объем слова *рубеж*, но и, бесспорно, побеждая в конкуренции со словом *граница*. Так, если семантическая структура лексемы *граница* реализуется в трех значениях, то полисемант *межа* употребляется в шести значениях, лишь одно из которых относится не к пространственным, а к временным категориям. Показательно, что диалектоносители подчеркивают равнозначность употребления общерусского наименования *граница* и диалектного *межа* либо явную предпочтительность последнего в традиционной диалектной речи: *Кто как, грани́цэй и межой заву́т мёжду паля́ми*. Себ.; *По́ле ат по́ля аддиля́ет грани́ца, межá*. Гд. [14, с. 4]; *Миждú палéй грани́ца мижá назывáлась, и миждú ди́ривéнь то́жса мижá*. Остр. *Межá и тагда́ нъзывáлась, грани́цэй тагда́ не нъзывáльсь*. Печ. [13, с. 104]

Относительно специфики русской лексемы «земельного» типа *рубеж* автор сопоставительного русско-английского исследования содержания концепта «Граница» А. Ю. Зубова отмечает, что это слово обозначает границу, проходящую по краю «своего» пространства [8]. Однако то, что справедливо для литературного языка, не всегда характерно для диалектной речи. Так, слова *межа* и *граница* (а также *межник*) в псковских говорах метонимически могут указывать на 'край, границу земельного участка, поля', отражая взгляд говорящего «изнутри» пространства: *Мижá — ésta кагда́ по́ле канча́ица, то ésta и будит грани́ца*. Оп.; *Ёслиф по́ля канча́ица, то ésta мяжá*. Остр. [13, с. 105]. Процесс метонимического расширения у слова *межа* отмечается и в других говорах. Так, сочетание *вкосьться в межу* 'вторгнуться, зайти при косьбе в пределы соседнего участка' (иркут.) передает значение рубежной границы, относящейся к земельному участку, а не нейтральной, расположенной между чем-либо полосы; более того, лексема *межа* может обозначать и 'земельный участок' целиком: *Весь надел свой крестя́не хотят перевести в одну межу* (иван.) [15, с. 78]. См. также в псковских говорах: *Сперва́ на той межы́ пострóили ма́ленькую [избу]*. Дн. [13, с. 105]. Лексема *межень* в новгородских говорах обозначает как 'границу, межу' (*Ране-то и всё поля разделяли межнями*. Др.; *Поля делили меженью, делали её из камня*. Сол.; *У вас межень неправильно отведена*. Кр.), так и 'полосу земли' (*Межень её была самая широкая*. Мар.) [10, с. 79].

Особенность лингвистического анализа семантики слова в его современной лексикографической интерпретации связана с максимально расчлененной дифференциацией семантики, выражающейся в выделении у лексемы отдельных значений, оттенков значения, употреблений. Целостная картина о семантическом потенциале слова создается благодаря восприятию всей структуры словарной статьи. Лексикографическая практика прошлого демонстрирует другие принципы описания семантики слова. Так, в толковом словаре В. И. Даля производный глагол *граничить* определяется как «быть пограничну, порубежну, смежну, смежаться. *Когда-то мы* (земля наша) *граничивали с ним, а ныне прошла чересполосица*» [6, с. 390–391]. Как видим, словарная дефиниция, состоящая, как это часто бывает в данном словаре, из лексического ряда, внутренне членится на две смысловые части, фиксируя двойственность семантики слова: наряду с семей разграничения отражен признак соприкосновения, смежности.

В ПОС пары глаголов *граничить* и *граничиться*, *межевать* и *межеваться* также демонстрируют двойственность семантики. *Граничить* ‘располагаться рядом с чем-н., примыкать к чему-н.’: *Па́хата иво́ва и катору́ он [управляющий] купи́л, а́на ну грани́чила ...*Гд.; *граничиться* ‘жить на территории, примыкающей к чему-н.’: *Араён был Парэ́чы, слі́ти с і́йм б’ы́лі, вот мы грани́чимся Ра́зинкава, мы мяжу́емся с Кру́пшыэвы́м. Вл.; грани́чимся мы з Билару́сией. Пуст. [14, с. 5].* Несмотря на то, что толкование глаголов оформлено в ПОС без взаимных отсылок, семантика лексем слабо различается, что и подтверждается словарной разработкой типологически сходных глаголов *межевать* и *межеваться*: *межевать* — ‘иметь общую границу, граничить’: *Зуб’ва Печь — по́ле — мяжу́е з Га́рям; ра́ньшы по́ле адбі́ць гасуда́рствам. Гд.; Вла́софішы́на у нас мяжу́е з дере́вней Пнево́ и с Ру́дницькім покосо́м. Гд.; межева́ться — ‘то же, что межевать’: *Тро́пин ху́тор межу́еца с Микéніным. Пушк.; Вот мы и мяжу́имся с Пско́фскай, Навга́рoтскай аблас’ця́мі. Тор. [13, с. 112].**

Таким образом, сами слова *граница* и *межа*, а также их глагольные дериваты по своей семантике относятся к числу амбивалентных, содержащих две противоположные сущности: разделение и соединение, причем одно уравнивается другим.

Конечно, понятие границы первоначально символизирует территориальное разграничение, которое, транслируясь на область человеческих взаимоотношений, усиливается и проявляется как разобщение и даже враждебность, что отражается в пословичном и фразеологическом фонде: *Межи да грани, ссоры да брани [6, с. 390]; ме́жи сошлі́сь — ‘о ссоре, ругани’: Пача́му ва́ши ме́жи сашлі́сь? Заішо́ руга́ецеь? Вл. Мы дру́жно жы́вём. А што, у нас ме́жы сашлі́сь? Пуст.; кака́я межа́ (ме́жи) ме́жду кем — то же: Кака́йы ме́жи? Вот кагда́ ссо́раца ни за чаво́, вот и гаваря́т: кака́я мяжа́ мяжду́ ні́мі. Н-Рж. [13, с. 105].*

С другой стороны, пограничная территория представляет собой контактную зону, в пределах которой наблюдается взаимное притяжение сторон.

Так, территория псковско-белорусского пограничья (в белорусском языке *намежжа* — ‘приграничная территория’) носителями говоров осознается как языковое и этнокультурное единство на основе отсутствия резких различий, что выражается в понятии «смешения» [1]. «Смешение» — отсутствие различий в первую очередь в языке — воспринимается говорящими как естественно сложившееся явление. Давая обобщенную этнокультурологическую оценку контактной зоны севера Белоруссии, белорусские этнографы пишут, что «белорусско-русское пограничье отличается многомерностью культурных связей, наличием смешанных форм культуры, которые влияют на процессы этнического самоопределения», а «говоры белорусско-русского пограничья совмещают черты как белорусского, так и русского языка (в понимании местного населения — «смешанный» язык)» [5, с. 75, 58].

По данным лингвистического обследования порубежного «городокско-невельского диалекта», жители белорусской территории «считают свой язык русским, добавляя, что он не чистый, а «смешанный», т. к. в нем есть белорусские элементы» [2, с. 120].

Социолингвистические обследования последнего времени, направленные на выявление признаков самоидентификации сельских жителей отдельных участков северо-востока Белоруссии (Могилевская и Витебская области), последовательно, без признаков доминирования какого-либо языка, показывают «смешанный» характер речи в этом регионе, определяя ее как «белорусско-русская смесь» [4, с. 56]

Таким образом, мотив «смешения» может быть осмыслен как лингвокультурологический концепт, ключевой для рассматриваемых этноконтактных территорий. По нашим данным, смешение как культурно детерминированный концепт представлен в диалектной речи пограничья лексемами, синтагматически связанными с наименованиями проживающих там лиц и взаимодействующих языков, и со всей очевидностью характеризует как этническое, так и языковое своеобразие региона. «Смешанный» характер речи жителей пограничья, отсутствие резких границ в области культурных традиций является свидетельством взаимодействия, взаимопроникновения разных форм социокультурного сосуществования пограничного населения. Все это, как представляется, характеризует границу как единство противоположностей: наряду с разделением, разграничением (речь идет и о государственной границе) выявляются черты взаимопроникновения, взаимного притяжения сторон.

О противоречивости, амбивалентности семантики границы как этнолингвистической категории пишет Н. И. Толстой, указывая, скорее, на полифункциональность границ в народной культуре славян: «При амбивалентности мифологической семантики и функции граница становилась как местом совершения обряда, ворожбы и заговора, так и местом, куда уносили «опасные» предметы, в основном связанные с погребением и смертью» [18, с. 539]. Амбивалентный характер понятия границы отмечает и Н. Ю. Зубова [7, с. 48] со ссылкой на данные философского словаря [11, с. 213–215]. Из всех признаков границы, указанных в словаре — парадоксальность, неопределенность, амбивалентность, выделим «истинно диалектичную двойственность». Граница — это одновременно «межа, отделяющая нечто от иного» и «место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов» [Там же, с. 213].

В заключение проведенного исследования следует подчеркнуть особую актуальность рассмотрения комплекса вопросов, связанных с концептом «Граница» применительно к псковскому диалектному дискурсу, формировавшемуся в течение длительного времени на приграничной территории. В числе первоочередных задач комплексного исследования необходимо наметить: выявление полного состава языковых (собственно диалектных и общерусских) репрезентаций данного концепта и установление между ними системных отношений; описание структурной организации концепта «Граница» с учетом регионального аспекта. В ходе уже проделанной работы выявлена репрезентативная множественность единиц на лексико-семантическом диалектном уровне, на фоне которой очевидно доминирует лексема *межа* с ее семантическим и деривационным полем. Языковые номинации выстраиваются в систему, отношения внутри которой позволяют выделить семантическую зону земельно-хозяйственного разграничения, что определяется спецификой диалектного дискурса. В то же время диалектные номинации актуализируют семантическую зону межэтнического, межгосударственного и административного разграничения и соприкосновения: вместе с семантикой разделения отражена семантика соседства: *Я няпóмню, где мэжы с Лátвией рáньшэ бы́ли: бы́тто у Сталбóва.* Кр.; *Грани́чимся мы з Билару́сией.* Пуст.; *Э́тът хлeп с Эсто́нии привезён, мы ш с нými межэ́емся.* Пск.; *Исто́ния с Лátвией вмeстя́х мяжавáлись.* Печ.; *С кем жэ́ Белару́сия мяжу́еццэ? С Пóльшэ́й?* Остр. Значение пространственной близости, соседства реализуется в одноструктурных наименованиях, расширяющих лексический диапазон номинаций за счет системных семантико-деривационных связей. Так, наряду со словом *сумеж-*

но в псковских говорах используется наречие *супольно*, объединяющиеся значением ‘близко, по соседству’: *Так сумéжнь пь футурам бьль*. Печ.; *Мы с им жь́ли супольно, ч́аста фстречáлись*. Пушкин. [КПОС]. Как видно, фразеологичность семантики производного слова отражает общность, не противоречащую внутренней форме дериватов. Таким образом, понятие ‘граница’ находится в контексте существенных для народного сознания категорий, манифестируя в диалектном дискурсе и пространственное размежевание, и пространственную близость, и приграничное пространство, создавая одновременно смысловую базу для формирования номинаций социально-культурной сферы.

Литература

1. Большакова Н. В. Мотив «смешения» как признак этноконтактной диалектной зоны (на материале псковских говоров) // VALODA — 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. Daugavpils, 2013. Lp. 13–18.
2. Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 118–179.
3. Виноградова Л. Н. Граница как особая пространственная категория в народной культуре // Культура и пространство. Славянский мир / Отв. ред. И. И. Свирида. М.: Логос, 2004. С. 19–27.
4. Гетка Й. «Каждому народу свой язык хорош», или об отношении к своему идиому жителей белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М., 2012. С. 56–71.
5. Григорьева Р. А., Касперович Г. И. Население белорусско-русского пограничья: демография, язык, этническая идентификация. Минск, 2004.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. I. М.: Русский язык, 1978.
7. Зубова Н. Ю. Граница как элемент картины мира: на примере анализа художественной модели мира в романах цикла Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 23 (277). Филология. Искусствоведение. Вып. 69. С. 48–52.
8. Зубова Н. Ю. Граница как элемент языковой картины мира и ее представление в современном литературном английском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
9. Криничная Н. А. Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Ред. О. П. Плюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2008. С. 131–141.
10. Новгородский областной словарь. Вып. 5 / Авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова; отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1994.
11. Пивоваров Д. В. Граница // Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 213–215.
12. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 13 / Под ред. Л. Я. Костючук, И. С. Лутовиновой, Д. М. Поцепни, М. А. Тарасовой. СПб.: СПбГУ, 2003.
13. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18 / Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб.: СПбГУ, 2006.
14. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 8 / Под ред. А. И. Корнева, А. И. Лебедевой, И. С. Лутовиновой, О. С. Мжельской. Л.: ЛГУ, 1990.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1982.

16. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. I / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
17. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. IV / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984.
18. Толстой Н. И. Граница // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Том I / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 537–540.

Используемые в статье сокращения районов Псковской области:

Вл. — Великолукский район
Гд. — Гдовский район
Кр. — Красногородский район
Нев. — Невельский район
Н-Рж. — Новоржевский район
Оп. — Опочецкий район
Остр. — Островский район
Печ. — Печорский район
Пск. — Псковский район
Пуст. — Пустошкинский район
Пушк. — Пушкиногорский район
Себ. — Себежский район.

Другие сокращения:

Др. — Дрегельский район Новгородской области
иван. — ивановское
иркут. — иркутское
Кр. — Крестецкий район Новгородской области
Мар. — Маревский район Новгородской области
Сол. — Солецкий район Новгородской области
Тор. — Торопецкий район Тверской области.